

ПРОСВЕЩЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ Ф.И. ТЮТЧЕВА В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект №11–01–00289а).

TYUTCHEV'S ENLIGHTENED CONSERVATISM IN THE REIGN OF NICHOLAS I

A.O. Meshcheryakova

The article considers esthetics of Conservative views of F.I. Tyutchev in the reign of Nicholas I. The author focuses on the analysis of F.I. Tyutchev's publicistic works of 1840–1850.

Keywords: Russian Empire, Conservatism, imperial idea, Orthodox Christianity, Western Europe, revolution.

Мещерякова Арина Олеговна

кандидат исторических наук
Воронежский государственный
университет

Аннотация:

В статье рассматривается специфика консервативных взглядов Ф.И. Тютчева в царствование Николая I. Особое внимание уделяется анализу его публицистического наследия в 40–50-е гг. XIX в.

Ключевые слова:

Российская империя, консерватизм, имперская идея, православие, Западная Европа, революция.

Царствование Николая I стало "золотым веком" русского консерватизма. Краткой, но емкой формулой государственной идеологии николаевской эпохи выступала знаменитая уваровская триада "Православие – Самодержавие – Народность". Во второй четверти XIX столетия под этим лозунгом могли подписаться не только теоретики "официальной народности", но и представители многих иных, зачастую значительно отличающихся друг от друга консервативных течений русской общественно-политической мысли. При этом каждый из них по-своему трактовал триаду, официально озвученную С.С. Уваровым в 1832 г. Не в последнюю очередь это касается такого яркого представителя просвещенного консерватизма николаевской эпохи, как Ф.И. Тютчев.

Ф.И. Тютчев (1803–1873) вошел в отечественную культуру, прежде всего, как великий поэт, при этом в значительно меньшей степени он известен в качестве одного из крупнейших политических мыслителей своего времени. Между тем, политическая философия Тютчева по своему содержанию и значению не уступает его поэтическому творчеству, представляя собой яркий опыт развития русского самосознания.

Становление Тютчева как консерватора пришлось на период его двадцатидвухлетнего пребывания за границей, преимущественно в либеральной и космополитической среде. Получивший блестящее образование, приобретший к европейской культуре и просвещению (увлекался идеями и трудами Ж. де Местра, Ф.Г. Гизо, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга и И.В. Гете), он вернулся в 1844 г. в Россию русским патриотом и убежденным консерватором.

Одной из первых статей Тютчева, появившихся в западной печати, было так называемое "Письмо к господину д-ру Густаву Кольбу, редактору ""Всеобщей газеты"" [11]. Впервые оно было издано в Мюнхене отдельной брошюрой летом 1844 г. В России же "Письмо..." приобрело широкую известность лишь после его публикации в 1873 г. в "Русском архиве" П.И. Бартенева под заголовком "Россия и Германия".

В нем Тютчев впервые открыто заявил о России как о совершенно "особом мире", в котором западная мысль видит "если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию" [11, с. 117]. Причину подобного отношения Запада к России Тютчев объяснял именно этой чуждостью и неизвестностью существующего за пределами европейского Запада особого мира, претендующего на место в Европе. Важно заметить, что Тютчев, в отличие от славянофилов, к которым его порой относят, рассматривал Россию в качестве европейской державы, а неоспоримой заслугой Петра I считал то, что он поставил Европу Карла Великого перед фактом существования "другой Европы". В этой публикации Тютчев впервые в столь не завуалированном виде затрагивал проблему геополитического пространства России. Он призывал "европейский Запад" признать законное и равноправное существова-

Федор Иванович ТЮТЧЕВ

ние "Европы Петра Великого". Только благодаря признанию этого факта, по его мнению, становится понятной истинная причина необычайного расширения России, а "так называемые завоевания и насилия явились самым естественным и законным делом, какое когда-либо совершалось в истории, – просто состоялось необъятное воссоединение" [11, с. 118–119].

В "Письме..." Тютчев затрагивал и остро стоявший в то время Восточный вопрос. Его решение поэт связывал с законным и естественным воссоединением Восточной Европы. В благополучном завершении этого процесса он не сомневался. Единственный и далеко не принципиальный для него вопрос состоял в том, произойдет ли это воссоединение мирным путем или его придется добиваться "силой оружия, рискуя свергнуть мир в величайшие бедствия" [11, с. 119]. Если говорить о конкретных политических мотивах "Письма...", то они связаны в первую очередь с проблемой взаимоотношений России и государств Германского союза. По мнению Тютчева, единственным реальным союзником Германии может выступать лишь Российская империя. Непонимание немцами этой истины, о чем свидетельствует антирусская кампания в немецкой печати, приведет к тому, что Германия в конечном счете сделает "большую политическую оплошность" [11, с. 128].

Статья, вышедшая без указания имени автора, произвела сильное впечатление на современников. А.И. Тургенев в своем письме к В.А. Жуковскому советовал поэту прочитать брошюру Тютчева, которая, по его словам, "очень умно и хорошо писана" [13, с. 68]. По-видимому, эту записку удалось даже представить Николаю I, который, прочитав ее, заявил, "что нашел в ней все свои мысли" и заинтересовался автором этого "письма" [8, с. 302].

Однако настоящий успех у императора имело другое публицистическое сочинение Тютчева. В 1845 г. поэт представил Николаю I политический меморандум [3], в котором излагал свои представления о месте России в мире, об исторической цели и важнейших принципах ее бытия. Свои главные идеи автор вписал в характерный для него контекст полемики с антирусскими выпадами в европейской печати. Говоря об "исторических правах" России на независимое и самобытное существование, Тютчев отмечал, что "Западная Европа еще только складывалась, а мы уже существовали, и существовали, несомненно, со славой. Вся разница в том, что тогда нас называли Восточной Империей, Восточной Церковью; мы и по сей день остаемся те же, чем были тогда" [3, с. 130]. Таким образом, Тютчев постулировал непосредственную и органическую связь Московской Руси с Византией.

Под "Восточной Империей" Тютчев понимал законную и прямую преемницу "верховой власти Цезарей". При этом сущность подобного рода власти он видел в ее полноте и целостности [3, с. 130–131]. "Восточную Церковь" поэт отождествлял с Церковью Вселенской. Собственно, Восточная Империя вместе с Православной Церковью являют собой краеугольный камень всего здания русского бытия. "Вот два единственных вопроса, по которым должен вестись всякий серьезный спор между Западом и

нами. Все прочее – только болтовня", – заключал поэт. "Чем глубже мы постигнем эти два вопроса, тем сильнее предстанем перед лицом противника. Тем скорее мы станем самими собой. Если пристально рассматривать ход событий, борьба между Западом и нами никогда не прекращалась. <...>. Борьба между Западом и нами готова разгореться еще жарче, чем когда бы то ни было, и на сей раз опять, как и прежде, как всегда, именно римская Церковь, латинская Церковь оказывается в авангарде противника" [3, с. 130]. Таким образом, борьба между Россией и Западом – это изначальная борьба между православием и католичеством, между Вселенской Церковью и узурпировавшим власть римским престолом. Эта мысль, будучи отправной точкой историософии Тютчева, в том или ином виде присутствует во всех его публицистических сочинениях.

Уже в этой записке Россия представляла главным оплотом консервативных принципов, к которому тянутся наиболее здоровые силы Европы, желая "соединиться или даже слиться с чем-то великим и могучим" ради стабильности и надежды на будущее [3, с. 141–142]. После потрясших европейские страны революционных событий 1848–1849 гг. Тютчев с особой категоричностью утверждал, что в Европе давно существуют только две действительные силы: Россия и Революция. "Эти две силы сегодня стоят друг против друга, – продолжал он, – а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества" [12, с. 144].

Сущность революции Тютчев традиционно видел в низвержении консервативных начал и торжестве антихристианских принципов, главный из которых – "гордыня ума", стремление человеческого "я" заменить собой Бога [12, с. 145, 148]. России, как подлинно христианской державе и русскому народу, который является христианским не только вследствие своей "православности", но, по мысли Тютчева, и благодаря "способности к самоотречению и самопожертвованию" [12, с. 144], предстоит встретить "крестовый поход" всей Европы. Поэт предполагал, что местом решающей схватки может стать Польша [12, с. 151], которую он считал "фанатичной прищипницей Запада и всегдашней предательницей своих" [12, с. 153], то есть славян.

В "России и Революции" Тютчев заявлял, что Россия и русский император должны возглавить борьбу "Славяно-православного" Востока с революцией, чьим духом смертельно больна Западная Европа. При этом исход борьбы поэт видел в неизбежном "закате Европы" [12, с. 157].

Это сочинение Тютчева, появившееся впервые в западной печати как "Записка, представленная императору Николаю после Февральской революции одним русским чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел" [5, с. 315] вызвало оживленную полемику. Особую остроту этой полемике придавал тот факт, что статью

на Западе восприняли как "чуть ли не официальный документ" русского правительства, "манифест московского панславизма, его формулу, если не четкую и ясную, то, по крайней мере, набросанную так, чтобы быть узнанной" [6, с. 234–235].

На родине записка "Россия и Революция" ходила в рукописных списках и весьма широко обсуждалась в московских и петербургских салонах. Примечательно, что и в русском обществе отмечался резкий тон "мемории" Тютчева. Так, П.Я. Чаадаев охарактеризовал эту "записку" как явное "объявление войны немцам за славян" [2, с. 273]. По воспоминаниям современников, в обществе Тютчев позволял себе делать довольно громкие заявления в отношении Европы. Так, в салоне С.Н. Карамзиной поэт высказал однажды "очень воинственные помыслы об умиротворении всех славянских племен присоединением их силою оружия под скипетр русского царя как о факте неизбежном и о цели, весьма легко достижимой" [4, с. 473].

В 1849 г. Тютчев написал статью "Папство и Римский вопрос" [9], в которой в очередной раз подвергал резкой критике современную западную цивилизацию с ее католическими истоками. Считая папство единственным столпом, "худо-бедно" подпирющим на Западе ту часть христианского здания, которое уцелело после Реформации, Тютчев в то же самое время видел в нем преходящий и гибельный элемент, делающий его теперь уязвимым для ударов революции [9, с. 159, 167]. Внутренняя связь папства с философской основой революции заключается, по мнению поэта, в принципе абсолютизации и возвышении человеческого "я". При этом промежуточным звеном здесь является протестантизм, который по своей сути значительно ближе к римскому католицизму, нежели принято думать. "Революция, представляющая собой не что иное, как апофеоз того же самого человеческого я в его целостном и полном развитии, не преминула признать за своих и приветствовать как двух славных учителей не только Лютера, но и Григория VII". Именно эта связь, сцепляющая "три звена" этого ряда, и "составляет самую суть исторической жизни Запада" [9, с. 162, 163].

Примечательно, что западная общественность наряду с русскими католиками восприняла "Римский вопрос" как антикатолический памфлет. В действительности же это сочинение было пронизано явным антизападническим пафосом, что подчеркивал сам Тютчев. Так, отвечая на замечание П.А. Вяземского о сомнительности скорого воссоединения церквей, Тютчев писал ему, что не в этом состоит основная мысль его записки, а в указании на законное место России в мире и перспективы ее развития в эпоху глубокого кризиса западной цивилизации. "Прежде всего, чтоб несколько ориентироваться в вопросе, – писал он, – нужно дать себе ясный отчет в современном кризисе, переживаемом Западом: потому что только понявши, в каком положении Запад относительно самого себя, будем мы в состоянии определить свойство его настоящих и будущих к нам отношений". Но одновременно поэт отмечал, что над русскими умами вот уже несколько поколений тяготеет некая "роковая участь": "...Вместо сохранения за нашу мысль, относительно Европы, той

точки опоры, которая естественно нам принадлежит, мы ее, эту мысль, привязали, так сказать, к хвосту Запада. <...> Умы в России, 60 уже лет, не переставали двигаться в направлении совершенно обратном к тому направлению, куда увлекали Россию ее судьбы. Наше умственное будущее, – собственно для нас, – это был Запад. Россия же, самим фактом своего существования, отрицала будущее Запада..." [1, с. 175–176].

"Римский вопрос", а также появившаяся ранее "Россия и Революция", должны были стать отдельными главами трактата Тютчева "Россия и Запад" [10]. Предполагалось, что он будет состоять из девяти глав (1. Положение дел [в 1849 году]; 2. Римский вопрос; 3. Италия; 4. Единство Германии; 5. Австрия; 6. Россия; 7. Россия и Наполеон; 8. Россия и Революция; 9. Будущность). Однако масштабный по замыслу историко-политический труд Тютчевым так и не был завершен. Поспешно начав его и проделав необходимую подготовительную работу, Тютчев неожиданно охладил к своему замыслу. В январе 1850 г. его жена Эрнестина Федоровна писала по этому поводу следующее: "Что же касается моего мужа, который два месяца назад, казалось, был убежден, что мир обрушится, если он не напишет труд, часть которого я Вам послала и для которого были приготовлены все материалы, – так вот, мой муж вдруг все забросил" [14, с. 240]. Причина, по которой Тютчев так и не написал свой труд, до сих пор волнует исследователей, порождая различные гипотезы. Можно предположить, что Тютчеву помешало, помимо его известной нелюбви к систематическому писательскому труду, осознание невозможности реально повлиять на общественное мнение Западной Европы и obratить его в пользу России.

Но и в незаконченном виде этот труд имеет для нас немалый интерес. В значительной степени он представляет собой развитие ранее уже декларированных Тютчевым идей. Однако здесь они приобретают свою законченную, предельно ясную форму. То, о чем Тютчев, по его собственным словам, говорил лишь "вполголоса" [7, с. 110], намеками, в трактате представало со всей открытостью, без оглядки на западную общественность. Заметное внимание в трактате уделяется анализу современного положения дел в Западной Европе, накрытой революционной волной. Объектом критики Тютчева выступает западный либерализм, следствием и радикальным воплощением которого собственно и является захлестнувшая Европу революция. Особое внимание он уделил творцам либеральных идей, их потребителям и популяризаторам.

Одним из главных представителей современной либеральной мысли Тютчев считал Ф.Г. Гизо, с чьими идеями он был хорошо знаком. Автор трактата обращался к французскому мыслителю с довольно резкими обвинениями: "Западная демократия, превратив себя в предмет своего собственного культа, надо признаться, всего лишь следовала инстинктам, которые развивались в ней благодаря вам и вашим собственным доктринам более, чем кому бы то ни было. В самом деле, кто более вас и вашей школы столь требовательно и настойчиво отстаивал права независимости человеческого разума?" [10, с. 181]. Следует заметить, что "эмансипацию человеческого раз-

ума" Тютчев считал едва ли не главным "грехом" западной цивилизации. В наиболее грубой форме эту идею, по мнению поэта, воплотила в себе определенная часть западного общества, которую он условно называл "публикой" [10, с. 185]. Речь идет о либеральной интеллигенции, которая формирует общественное мнение в Западной Европе. Характерными чертами этого слоя являются, по мнению Тютчева, беспочвенность, разрыв с традицией и исторической жизнью своего народа, отрицание каких-либо авторитетов. "Это меньшинство западного общества (по крайней мере, на континенте), – отмечал Тютчев, – благодаря новому направлению, порвало с исторической жизнью масс и сокрушило все позитивные верования. Сей безымянный народец одинаков во всех странах. Это племя индивидуализма, отрицания. В нем есть, однако, один элемент, который служит для него связующим звеном и своеобразной религией. Это ненависть к авторитету в любых формах и на всех иерархических ступенях, ненависть к авторитету как изначальный принцип" [10, с. 185].

В трактате "Россия и Запад" получило дальнейшее развитие и учение Тютчева об Империи. Поэт полагал, что Империя бессмертна, она никогда не прекращала своего существования и только переходила из рук в руки. Поочередно сменили друг друга 4 империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я и "окончательная" христианская Империя. Таким образом, история Запада, начавшаяся с Карла Великого, представляет собой историю "узурпированной Империи" [6, с. 195, 198]. Восточная Империя, которая, по Тютчеву, близка к своему воссоединению, это "Россия в ее полном и окончательном виде". При этом душой Империи Тютчев называл Православную Церковь, а ее телом – славянское племя [10, с. 196].

Так называемый "племенной вопрос" был для Тютчева вторичным по отношению к православной традиции, формирующей Империю. В политическом панславизме поэт видел "искаженное восприятие народности", "маскарадный костюм для Революции". Подлинный панславизм, с его точки зрения, может быть распространен только среди народных масс, он проявляется в едином и точном определении всеми славянами своего и чужого [10, с. 195]. Таким образом, если наложить уваровскую триаду на тютчевскую концепцию Восточной Империи, наиболее полно изложенную в трактате "Россия и Запад", то получится следующая схема: Православие – Империя – Славянство. При этом первенствующая роль принадлежит Православию, которое не только формирует Империю, но и придает самобытность славянству.

Лейтмотивом тютчевской публицистики 40-х – начала 50-х гг. XIX в. стала идея цивилизационной самобытности России, ее независимости от Западной Европы. Тютчев стремился утвердить право России играть равнозначную европейскому Западу роль в качестве другой, Восточной Европы. Изначальная враждебность Запада к России объяснялась Тютчевым глубинным отличием их исторических корней, равно как и их исторических миссий. "Запад уходит со сцены" [12, с. 157], в то время как Россия только приближается к своему расцвету в своем окончательном виде – в образе Православной или Восточной Империи.

Тютчев как политический мыслитель, публицист и общественный деятель – недостаточно изученная фигура в интеллектуальной истории России XIX столетия. Между тем без анализа идейного наследия поэта нельзя создать целостную и объективную картину русского консерватизма в царствование Николая I, ярким представителем которого он являлся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М., 1997. 327 с.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: [Кн. 1–18]. Кн. 9. СПб., 1895. 498 с.
3. Записка // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 130–143.
4. Из моей старины. Воспоминания князя А.В. Мещерского // Русский архив. 1901. № 2. С. 470–504.
5. [Комментарии] // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 213–520.
6. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840–1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 231–255.
7. Письмо русского // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 109–111.
8. Письмо Ф.И. Тютчева И.Н. и Е.Л. Тютчевым от 27 октября 1844 г. // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. М., 2004. С. 302–305.
9. Римский вопрос // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. С. 158–178.
10. Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 179–200.
11. Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору "Всеобщей Газеты" // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 111–130.
12. Россия и Революция // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2003. С. 144–157.
13. Тютчев в дневнике А.И. Тургенева (1832–844) // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 63–99.
14. Тютчев в письмах и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 171–435.